

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата архитектуры, доцента

Капустина Петра Владимировича

**на диссертационную работу Фигурного Георгия Николаевича
"ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ:
ПРОБЛЕМАТИКА ДЕМАРКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЫ",**

представленную на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

На рассмотрение представлены: автореферат диссертации и диссертационное исследование на 155 страницах, включая иллюстративную часть.

Актуальность темы диссертационной работы

Избранная тема, несомненно, актуальна, поскольку, как справедливо пишет соискатель, "Архитектурная теория в течение ряда десятилетий (на протяжении второй половины XX в. по настоящее время) испытывает существенное влияние со стороны различных мировоззренческих доктрин и их отдельных направлений. Предпринимаются многочисленные попытки осмысления как современных тенденций в архитектуре, так и ее исторической ретроспективы" (стр. 3 диссертации). Разнообразие концепций и интерпретаций множества связанных с архитектурой проблем сегодня очень велико, оно до сих пор не получило какой-либо приемлемой систематизации, способной охватить его целиком как ресурс развития и способствовать прояснению дальнейших путей эволюции архитектурного знания. Темы, связанные с осмыслением теоретических концепций архитектуры, чрезвычайно актуальны; соискатель обоснованно указывает в этой связи на тематику приоритетных направлений развития фундаментальных научных исследований РААСН.

В диссертационной работе Фигурного Г.Н. в отношении указанного многообразия концепций избрана стратегия демаркации, практически дихотомии. Соискатель ставит перед собой довольно непростую задачу: осуществить разделение "научного" и "вне-научного" в богатейшем массиве современной теории архитектуры и примыкающих к ней текстов.

Степень научной разработанности темы и теоретическая база исследования отражены в осуществлённом соискателем анализе значительного количества зарубежных и отечественных литературных источников, интернет-ресурсов.

Структура диссертационного исследования

Исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, перечня основных публикаций по теме исследования, библиографического списка (137 источников), списка используемой терминологии и приложений, включающих результаты проведенного анкетирования профильной аудитории и экспозиционные материалы. Структура исследования соответствует поставленным целям и задачам.

Положительные стороны исследования

Официальный оппонент считает значимыми суждения соискателя о неудовлетворительности прямых переносов идей, методов, схем, терминологии из иных областей знания в архитектурную теорию. Прямой перенос или заимствование, в самом деле, лишь порождают ложные сущности, замещают аутентичное чем-то "подобным" или ситуативно приемлемым, а также различными вариантами синтеза заимствованных представлений (как правило, эклектичными), что лишь затрудняет осознание собственной природы архитектуры. Соискатель приводит свои доводы против такой стратегии, а также цитирует других авторов, также критично относящихся к ней. XX век и наше время, увы, полны примерами продвижения такой именно стратегии. Но, соглашаясь с критикой в отношении недавних или относительно недавних "переносов", нельзя не указать на то, что все они лишь следуют по пути, проложенному естественнонаучным знанием, активно, даже агрессивно вторгшимся в архитектурное сознание, образование и организацию практической деятельности в Новое время - по сути, с первых европейских академий. "Классическая наука", в этом свете, столь же инородный элемент для архитектуры, как и, например, идеи постструктуралистов или феноменологов, а, пожалуй, и куда как более инородный. И именно в движении к утраченной аутентичности архитектурной мысли получают смысл и значение опыты феноменологии и иные поисковые направления архитектурной теории (что, разумеется, не избавляет их от несовершенства или злоупотреблений).

Другое, близкое высказанному выше, положительное суждение официального оппонента может быть отнесено к скептическому мнению соискателя по поводу архитектурной семиотики, а также и психологии архитектуры. В самом деле, неудачи описания архитектуры (а также города, среды) как текста стали одной из досадных неприятностей для волны научно-теоретического энтузиазма по освоению "смежных" знаний в архитектуре. Однако эти неудачи уже успели стать хрестоматийными, им посвящено множество текстов, в т.ч. и официального оппонента. По сути, уже Умберто Эко, инициатор семиотических исследований архитектуры, был вынужден признать их принципиальную дефициентность архитектурному мышлению и опыту, тому месту в социальной коммуникации, которое занимает архитектура (соискатель цитирует известную фразу У. Эко о кодах, не принадлежащих архитектору, но почему-то объявляет её "сложной для рационального восприятия сентенцией", стр. 40 диссертации). Тоже и с психологией: как и семиотика, она действует постфактум, применима в деле популярной интерпретации построенной архитектуры и её влияния на человека, но практически ничего не даёт проектному воображению, не приобретает методического значения, на которое было столько надежд. И это тоже, увы, известный факт. Г.Н. Фигурный напоминает нам об этих "провалах" наукоцентричной архитектурной мысли, позволяет заглянуть в них, однако тут же открывается зияние вопроса: у какой науки с архитектурой не было таких или подобных "провалов"? Соискатель не даёт ответа на этот вопрос, даже не ставит его. Так стоило ли бороться с "ветряными мельницами"?

Очень положительно следует оценить важное замечание соискателя, сделанное в самом начале диссертационной работы: "... Не ставилась задача оценивать рассматриваемые в исследовании концепции как «правильные» или «неправильные», как и определять уровень их продуктивности в виде вероятного источника вдохновения для архитекторов-практиков. Также определение какого-либо подхода как вне-научного изначально не содержит в себе негативных коннотаций. Многие эссе на темы архитектуры безусловно интересны и значимы - как художественные или публицистические тексты, передающие личное мнение автора" (стр. 4 диссертации). Разумеется, оценочная тональность всё же проявляется, но сделанная оговорка важна: она точно характеризует границы исследовательского интереса и позволяет надеяться на сохранение прав на существование за концепциям, не признанными автором в качестве достаточно научных.

Наконец, нельзя не одобрить научный напор, энтузиазм разоблачения псевдонауки, общую энергичность и смелость соискателя. При всей приверженности доблестям объективной науки, соискатель всё же проявляет недюжинную страсть к обсуждаемым вопросам, что позволяет ему делать суждения, обладающие качеством т.н. фасцинации - на них нельзя не обратить внимание, на них приходится как-то реагировать. В этом смысле, исследование Г.Н. Фигурного представляет собой подчёркнуто авторскую и заметную работу.

Критические замечания по диссертационному исследованию

1. Судить о "недостаточной проработанности методологических оснований" можно лишь с методологических позиций. Автор же методологическую позицию со всей очевидностью не занимает. Более того, похоже, что он не знаком с действительным содержанием методологических традиций последних более полувека - судя по тексту, ссылкам, литературе. В лучшем случае имеет место знакомство с названиями работ и популярными их описаниями. По этой причине работе Г.Н. Фигурного не хватает масштаба рассмотрения заявленной проблематики. И это, пожалуй, наиболее существенный недостаток работы, из него происходит и ригоризм авторских суждений, и нежелание признавать сложность, неоднородность и противоречивость самой науки.

Между тем, проблематика методологии науки, мышления и деятельности по своему значению намного превосходит собственно научные построения в предметных областях знания. Последние вообще есть лишь частные экспликации методологических, философских (в т.ч. метафизических) идей, а гуманитарное лежит в основе всякого мышления, задаёт базовые, не всегда осознаваемые его схемы (на их выявление и направлены усилия критиков науки, полностью отвергаемые соискателем). В трудах И. Лакатоса, Т. Куна, тем более - П. Фейерабенда, Г.П. Щедровицкого дана оценка научному методу познания, игнорировать которую сегодня не представляется возможным. Однако, соискатель её легко игнорирует, ограничиваясь снисходительными оценками её якобы "упрощённости" (о Лакатосе, стр. 77 диссертации), что оставляет его (по его же признанию) наедине с логическим инструментарием Аристотеля, схоластов и пионеров новоевропейской науки. Критические работы М. Фуко, Ж.

Делёза, Ж. Бодрийяра и др. также возникли не из стремления этих авторов "умно говорить о непонятном", но из острейшей рецепции кризиса новоевропейской мысли, лишь частью которой (и не самой лучшей) является естественнонаучная методология, а вместе с нею - рецепции удручающих результатов безоговорочного доверия "научному рационализму", в том числе в архитектуре и урбанизме XX века. Проблем и сложностей как в самом корпусе критических текстов второй половины XX в., так и во взаимодействии его с актуальной архитектурной и проектной мыслью, - немало, но они требуют вдумчивого и компетентного обсуждения. Отбрасывая эти пласты мысли, можно выплеснуть с мутной водой и "ребёнка".

2. Необходимо обратить внимание на очевидный контраст принятого автором подхода и материала, к которому он обращён: сложность материала при делении его не две условные части неизбежно подвергнется упрощению, утраты содержания неустранимы. Тем самым, целостное понимание совокупного "поля" актуальной теории архитектуры оказывается сведено к относительно небольшому набору достойных, с точки зрения автора, направлений; ресурсное видение целого очередной раз ускользает из фокуса исследовательского внимания. Это замечание подтверждается и отсутствием в работе ясно представленных оснований, на которых могла бы строиться дальнейшая теория и практика архитектуры после освобождения от всего вне-научного. Представляется, что останется очень мало, и оставшееся вряд ли способно обеспечить развитие.

3. Соискатель держится представления о науке как о чём-то монолитном и непротиворечивом, застывшем в развитии и не подверженном проблематизации. Если бы обстояло именно так, то наука, в самом деле, могла бы служить если не мерилем истины, то хотя бы надёжным основанием оценки и квалификации теоретических идей и концепций. Однако такое представление очень далеко от реальности. Отчасти, данное замечание определено изложенным нами в замечании № 1, то есть недостаточной специальной методологической подготовленностью соискателя. Но в любом случае, позитивный (если не сказать позитивистский) образ науки, который эксплуатирует и защищает в своём исследовании соискатель, "трещит по швам" в контексте реальной истории науки вплоть до настоящего времени. Отбрасывать как заблуждение не только всё сказанное и написанное о науке, но и смелые поиски самой науки за последние несколько десятилетий, в т.ч. и весьма маргинальные, - по меньшей мере опрометчиво. Образ науки, отождествлённой с эпистемой "классического знания" (кстати, термин Мишеля Фуко) не может быть сегодня мерилем научности теорий архитектуры.

4. Одним из центральных тезисов соискателя является утверждение о нежелательности того, что он именуется "собственными теориями архитектуры", то есть персональных теоретических построений архитекторов-практиков и (видимо, судя по отсылкам) авторских концепций архитекторов, занятых исследовательской и педагогической деятельностью. В устах соискателя, подобные теоретизирования - что-то вроде самоделок, жалких поделок "на коленке", не выдерживающих сравнения с "настоящими" научными теориями. По нашему убеждению, это - заблуждение, и очень опасное. Во-первых, нет и не

ождается никакой единой и обязательной для всех архитектурной науки, способной дать точные, неопровержимые и эффективные во всех ситуациях рецепты и указания. (Заметим, что безуспешным попыткам сформулировать таковую на строгих научных основах и были посвящены те многовекторные поиски 1960-80-х гг., которые справедливо критикует соискатель.) Во-вторых, до тех пор, пока архитектура остаётся занятием творческим и проектным, генерация персональных концепций - едва ли не единственный осмысленный путь реализации действенной связки теория-практика. Практиковать в творческой деятельности можно лишь своё - то, в чём убеждён, за что готов рисковать и что отстаивать. Тезис о том, что каждый хороший архитектор имеет свою собственную теорию, кажется, успел уже получить признание и многочисленные подтверждения. Уровень образования современных архитекторов в мире вполне позволяет им успешно данную задачу осуществлять, хотя и с переменным успехом, разумеется. Но критерий для таких концепций - не их истинность или их научность, но их реализуемость: "нет ничего практичнее хорошей теории". Вряд ли стоит рассчитывать на секвестирование авторских концепций архитекторов исходя из готового списка критериев научности. Среди авторских концепций есть и должны быть всякие: художественные, мифопоэтические, религиозные, эзотерические и пр. - смысл выставления их всех за ограду правоверной науки не понятен; они и без того, как правило, не претендуют на научность.

Высказанные замечания не меняют в целом положительное заключение по диссертации, поскольку сложность поднятых в ней проблем и вопросов очень велика. Учитывая деятельный характер соискателя и его высокую заинтересованность в теме, можно выразить надежду, что высказанные замечания получат отражение в дальнейших исследованиях.

Научная новизна исследования и полученных результатов

Представленное исследование обладает научной новизной, определяемой заявленным и последовательно реализованным критическим подходом к существенному корпусу теоретических концепций в актуальной архитектуре.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Исследование имеет теоретическую значимость в качестве яркого примера возможной новой тенденции в теории архитектуры - возрождения сциентистских установок в организации знания. В таком качестве работа Г.Н. Фигурного может составить прецедент, требующий соответствующего реагирования архитектурно-теоретического сообщества, поставить рамки для нового этапа самоопределения теоретиков.

Практическое значение работы может быть связано с обновлением принципов и норм научного исследования и, соответственно, его образовательного и экспертного обеспечения. В частности, поставленные в работе вопросы требуют новой, более точной артикуляции ценностных аспектов тех типов знания и мышления в архитектуре, архитектурной теории, критике и образовании, которые не разделяют сциентистские установки.

Заключение по диссертационной работе

Представленная диссертация является законченной самостоятельной научной работой. Текст диссертации изложен логично, грамотным профессиональным языком. Диссертация обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью, необходимым объемом, соответствует по тематике и содержанию научной специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Основные результаты и положения диссертации опубликованы, в т.ч. в изданиях из перечня ВАК РФ. Автореферат диссертации соответствует её основному тексту по структуре и содержанию.

Вышеизложенное дает основание считать, что диссертационная работа Фигурного Георгия Николаевича "Теоретические концепции современной архитектуры: проблематика демаркации в контексте научной парадигмы", представленная на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия по содержанию, форме, профессиональному уровню, актуальности, полноте поставленных и решенных задач, а также совокупности новых научных результатов, отвечает основным требованиям п. 9 "Положения о присуждении ученых степеней", утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям.

Соискатель Фигурный Георгий Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата архитектуры по специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия.

Официальный оппонент:

Капустин Пётр Владимирович, канд. арх., доц.,
зав. каф. теории и практики архитектурного проектирования,
ВГТУ, г. Воронеж.

 / П.В. Капустин/
01.11.2022

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Воронежский государственный технический университет"

(сокращенное название - ВГТУ)

394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Тел./факс: +7(473) 271 59 05, e-mail: chancellery@vgasu.vrn.ru

Каф. ТиПАП:

Тел.: +7 (473) 271 54 21

e-mail: ap-i-g@yandex.ru